

Цветкова Екатерина Тагировна

Российский государственный педагогический университет

им. А. И. Герцена

Санкт-Петербург, Россия

Ekaterina T. Tsvetkova

Herzen State Pedagogical University of Russia

Saint Petersburg, Russia

Искусствоведение и культурология

Искусствоведение и художественное образование

Научный руководитель — А. Г. Сечин, канд. искусствоведения, доц.

Tsvetkovaekaterinat@yandex.ru

УДК 27-526.62; 75.046; 75.052

Проблемы и противоречия интерпретации сюжета с изображением скомороха на фресках Успенской церкви в Мелётово

Аннотация. С самого начала изучения росписей мелётовской церкви отдельного внимания исследователей стала заслуживать необычная сюжетная композиция, расположенная на западной стене храма и изображающая скомороха. Д. С. Лихачёв первым установил и описал ее литературный источник — сюжет об Анте-скоморохе из древнего Синайского патерика «Лут духовный» Иоанна Мосха (VII век). Последующими исследователями предлагались различные толкования сюжета, вплоть до «воцерковления» образа скомороха. Данная статья посвящена проблеме и противоречиям, связанным с интерпретацией этой фресковой композиции.

Ключевые слова: фресковая композиция, иконографический сюжет, Псков XV века, Мелётово, Успение Богородицы, Уния.

Challenges and contradictions in the interpretation of the set of frescoes depicting a skomorokh in the Church of the Assumption in Meletovo

Abstract. Ever since researchers started to study the frescoes of the Meletovo church, they paid particular attention to an unusual story composition located on the western wall of the temple and depicting a *skomorokh*. D. S. Likhachev was the first to identify and describe its literary source — a story about Ante the clown from The Spiritual Meadow, a Sinai patericon by John Moschus (7th century CE). Subsequent scholars have offered various interpretations of the story, including an interpretation positing

that the image of *skomorokh* was assimilated by the church. This article focuses on the challenges and contradictions associated with the interpretation of this fresco composition.

Keywords: fresco composition, iconographic plot, Pskov, 15th century, Meletovo, Assumption of the Blessed Virgin Mary, Union.

Настенные росписи церкви Успения Богородицы в селе Мелётово знамениты своими уникальными иконографическими сюжетами, и особого внимания всех исследователей мелётовских фресок заслуживает композиция, получившая наименование «Ант-скоморох», считающаяся самым ранним в русской живописи изображением скомороха.

Данная фресковая композиция находится на западной стене храма и состоит из двух сцен. В центре нижней сцены изображен сам скоморох, восседающий на троне и играющий на струнно-смычковом музыкальном инструменте. С одной стороны от скомороха расположена группа людей, с другой — один человек. В верхней сцене тот же скоморох изображен лежащим на одре, с отсеченными руками и ногами и со стоящей около него Богородицей (рис. 1).



Рис. 1. Ант-скоморох. Мелётово, 1465 г.

Впервые открытое в 1949 году реставратором Ю. Н. Дмитриевым, данное изображение далеко не сразу было атрибутировано, но уже в 1964 году Д. С. Лихачёв первым установил и описал его литературный источник — сюжет об Анте-скоморохе из древнего Синайского патерика «Луг духовный», составленного духовным писателем VII века Иоанном Мосхом и вошедшего в антиеретический сборник «Лимонис» [Лихачев, 1964, с. 462–466.]. В сказании сообщается следующее: в одном из финикийских городов жил скоморох, который постоянно хулил Богородицу. Она явилась ему и просила прекратить это делать, но он все равно продолжал свои ругательства. Трижды Богородица являлась и повторяла ту же самую просьбу, но скоморох не прекращал оскорблений. Тогда, в один из дней, когда скоморох спал, Богородица вновь явилась ему и, проведя своей рукой по рукам и ногам скомороха, отсекала их. Проснувшись, он увидел, что это произошло наяву стал всем рассказывать о том, как пострадал от собственных кощунств.

Исследователи по-разному интерпретировали символическое значение сюжета этой фрески. По версии Лихачёва, иллюстрация из «Лимониса» появилась в храме в связи с псковско-новгородскими ересями XIV–XV веков. Н. Н. Розов усмотрел в позе скомороха сходство с образом царя Давида, а явление Богородицы истолковал как признак его святости [Розов, 1968, с. 93]. На основании этого сходства Л. В. Бетин пришел к выводу о сознательной «христианизации» образа скомороха вместо традиционного запрета скоморошества [Бетин, 1973, с. 333].

В. П. Даркевич так изложил описание этой истории: «После чистосердечного раскаяния Анта всепрощающая Богородица исцелила его. Возвративший здоровье скоморох стал воспевать свою избавительницу (...) художник как бы включил песнопения скомороха в систему богослужебных гимнов» [Даркевич, 1988, с. 215–216]. А. К. Крылов и О. Ю. Крылова тоже трактовали этот сюжет как проповедь о покаянии, прощении, перерождении и восхождении скомороха к Богу, участию его в песнопениях [Крылов, 1996, с. 126].

Согласно выводам, сделанным Ю. А. Строгановой в диссертации, обращение псковских художников к данному сюжету связано с псковско-новгородскими ересями, близкими к богомилству [Строганова, 2005, с. 131]. По суждению А. Г. Боброва и К. Миуры, «выходя из церкви, прихожанин должен был видеть напоминание о соблазнах мирской жизни и о грядущем наказании за грехи» [Бобров, 2014, с. 491].

Н. С. Серёгина решительно отождествила мелётовского скomoroxa с Преподобным Романом Сладкопевцем и увидела в этой композиции «повествование о наказанном и прощенном Богородицей хулители, одаренном Ею талантом слагания божественных песней» [Серёгина, 2017, с. 83–126]. Также и в интерпретации Т. В. Шулаковой, скomorox «раскаялся, вымолил прощение и был помилован Пречистой Девой, и с тех пор стал петь Ей Акафисты в храме» [Шулакова, 2017, с. 119].

При изучении и анализе историографии данного вопроса прежде всего следует учитывать, что первоначальные исследования этих фресок проводились в довольно сложный период государственной антирелигиозной политики, а также во времена общей слабой информационной доступности. Нет ничего удивительного в том, что образ скomoroxa искусственно «воцерковлялся» хотя бы только для того, чтобы соответствовать господствующей марксистской идеологической парадигме о всеобщей, а соответственно, и внутрицерковной, классовой борьбе, о некоем противопоставлении народной и чиновничьей церковности. Такого рода противостояниями объяснялись тогда мотивы возникновения всевозможных ересей и расколов, от стригольников и жидовствующих до самых поздних вариантов всевозможных сект. Если уж разбойники, бунтовщики и самозванцы провозглашались «героями-освободителями народных масс», то немудрено, что и церковные маргиналы и отщепенцы выставлялись как отчаянные вольнодумцы и угнетенные невольники культа, восставшие против своих угнетателей.

Мало что изменилось в данном вопросе и в постсоветский период. Образ мелётовского скomoroxa по-прежнему продолжает рассматриваться исследователями как положительный персонаж церковного искусства. Только теперь он ассоциируется уже с другой формой проявления местной церковной оппозиции: ныне все чаще вспоминается, что храм построен в период, когда Псковские соборы хотели выйти из подчинения Новгородского архиепископа. Правда, не всегда упоминается о том, что сам Новгород тогда был настроен на окончательный разрыв с Москвой и соединение с Польско-Литовским королевством, что предполагало вступление в унию с католической церковью и подчинение Ватикану [Алексеев, 1989, с. 80].

Из летописных свидетельств [Псковские летописи. Вып. 2, 1955, с. 154] следует, что как раз в годы строительства и росписи мелётовской церкви московские войска помогали псковичам отражать нападения ливонцев, в то время, как новгородцы от оказания этой помощи отказались. После этого псковская рать участвовала с московским

войском в покорении Новгорода, т. е. политика Пскова была направлена на сближение с Москвой, а значит, входить с ней в конфликт по конфессиональным вопросам псковичами не предполагалось.

Более того, чтобы не зависеть от новгородских религиозно-политических «брожений», псковичи просили московские власти о законном назначении им собственного епископа. Для Пскова было крайне важным обрести независимость от Новгорода с соблюдением канонических правил без того, чтобы оказаться обвиненными в расколе или ересь. Учитывая данные обстоятельства, совершенно недопустимо предполагать, что в элементах монументальной храмовой живописи псковские мастера могли бы позволить себе изображения сомнительного содержания.

Из надписей, сохранившихся на портале (рис. 2) и в барабане мелётовской церкви, следует, что заказчиками ее строительства были псковские посадники Яков Кротов, Зиновий Михайлович и Иван Пучков, известные (за исключением Пучкова), в первую очередь, своей активной дипломатической деятельностью по урегулированию военно-политических отношений Пскова с Москвой, Новгородом, Литвой и Ливонией. Стоит отметить, что в данный исторический период в боярско-купеческой элите Пскова было несколько конкурирующих «партий», кланов, семей, группировок: псковская, московская, новгородская, немецкая, литовская [Вовин, 2015, с. 182–185]. Посадники Яков Кротов и Зиновий Михайлович не могли не быть вовлечены в эти противостояния, однако в вопросе о том, к какой именно группировке они примыкали, в исследованиях историков, искусствоведов и реставраторов возникли некоторые проблемы и противоречия.



Рис. 2. Портал. Мелётово, 1465 г.

Согласно версии Н. Н. Воронина, заказчиками строительства Успенской церкви в Мелётово были «консервативные лидеры псковской знати, стремящиеся противиться воссоединению Пскова с Москвой и отстоять “псковскую старину”, т. е. власть боярской олигархии» [Воронин, 1952, с. 313–314]. Эта же концепция была развита Н. Н. Масленниковой [Масленникова, 1955, с. 146] и Н. Е. Мнёвой, что повлияло на последующие интерпретации иконографических сюжетов фресковых композиций мелётовской церкви, в содержании которых стали усматриваться вольность и «тенденция создавать новые иконографические образцы, произвольно толкующие религиозные догматы. Эти иконографические отступления рассматривались в XV веке как еретические и вызывали протесты высших церковных иерархов» [Мнёва, 1965, с. 70].

С таким теоретическим построением совпадает ранее приведенная система тезисов исследователей о «воцерковленном» и даже «святом» образе скомороха, однако о принадлежности посадников Якова Кротова и Зиновия Михайловича именно к «московской партии» псковского боярства высказывался реставратор мелётовских фресок А. Н. Овчинников [Овчинников, 1992, с. 3]. Об этом же свидетельствуют летописные упоминания о гонениях на них в период «брани о смердах»: дворы именно этих посадников были разорены псковичами в отместку за внедрение ими в Пскове реформ великого князя московского Иоанна III [Псковские летописи. Вып. 1, 1941, с. 79].

Еще одним подтверждением именно московского вектора направления политики заказчиков постройки церкви в Мелётово следует считать то обстоятельство, что в данный период трансформации Московского княжества в Русское государство «Москва рассматривала строительство Успенских церквей или следование образцу Успенского собора как политически отмеченный акт» [Плюханова, 1997, с. 502], т. к. в столицах Русской митрополии (Москве и Владимире) кафедральными соборами были именно Успенские.

Необоснованно игнорируется и тот факт, что в русском средневековом церковном пространстве скоморошество, игра на гудке и инструментальная игра вообще воспринимались крайне негативно. По данным Н. И. Привалова и других инструментоведов и этнографов, вплоть до XVIII века все литературные памятники упоминают о гудках и других подобных музыкальных инструментах только в значении порицания их Церковью, осуждения «плясания и гудьбы», «гудущих и пляшущих», «гусли, смыки, сопели и всякое гудение», «трубы, скоморохи, гусли и русалья» [Привалов, 1904, с. 17–19].

А. В. Устюгова [Устюгова, 2018, с. 63] и В. И. Поветкин [Поветкин, 1989, с. 151; 2003, с. 228] определенно заявляли, что мелётовскому изображению музыкального инструмента скомороха нет подтверждений ни в визуальных, ни в материальных источниках: «Он — знак. За его условностью равно очевидны помимо русского как византийский, так и западноевропейский смычковые инструменты».

По приведенным основаниям надлежит прийти к выводу, что во время постройки мелётовской церкви образ скомороха мог играть в православном храмовом пространстве только негативную роль, тем более что в самом тексте сказания Иоанна Мосха нет никакого упоминания ни о раскаянии, ни о прощении, ни об исцелении, ни тем более о каком-либо песнотворчестве богохульника-скомороха.

Учитывая данные обстоятельства, следует заключить, что изображение скомороха в церкви Успения Богородицы в Мелётово не противоречило установленным в Русской церкви XV века правилам иконографии. Вместо того, чтобы искать в мотивах заказчиков и живописцев желание «воцерковить» образ скомороха, при исследовании мелётовских фресок следует установить тот негативный аллегорический и (или) метафорический объект, на который было направлено символическое и, возможно, карикатурное изображение скомороха.

Литература

- Алексеев Ю. Г. Москва и Новгород накануне Шелонского похода. *Новгородский исторический сборник*. Л., 1989. № 3 (13). С. 75–97.
- Бетин Л. В. Композиция на тему повести об Акте скоморохе в росписи церкви Успения в селе Мелётове. *Византия. Южные славяне и древняя Русь. Западная Европа. Искусство и культура: Сб. ст. в честь В. Н. Лазарева*. М., 1973. С. 333–338.
- Бобров А. Г., Миура К. Литературный источник Мелётовской фрески. *Труды Отдела древнерусской литературы. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом)*. СПб.: Наука, 2014. Т. 63. С. 485–498.
- Вовин А. А. *Городская коммуна средневекового Пскова: XIV — начало XVI в.* СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. С. 182–185.
- Воронин Н. Н. У истоков русского национального зодчества. *Ежегодник Института истории искусства АН СССР*, М., 1952. С. 313–314.
- Даркевич В. П. *Народная культура средневековья. Светская праздничная жизнь в искусстве IX–XVI вв.* М.: Наука, 1988 г. С. 215–216.
- Дмитриев Ю. Я. Мелётовские фрески и их значение для истории древнерусской литературы. *ТОДРЛ*. М.; Л., 1961. Т. 8. С. 403–412.
- Казакова Н. А. (Подготовка текста, перевод и комментарии). *Хождение на Флорентийский собор Библиотека литературы Древней Руси. РАН. ИРЛИ;*

- под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понярко. СПб.: Наука, 1999. Т. 6: XIV — середина XV века. С. 583.
- Крылов А. К., Крылова О. Ю. Композиционное построение сюжета с изображением скomoroxa в селе Мелётово и его литературный прототип (Взаимодействие изобразительного и повествовательного). *Санкт-Петербургский фонд культуры. Программа «Храм». Сб. материалов.* Вып. 10, ч. 2. СПб., 1996. С. 126.
- Лихачев Д. С. Древнейшее русское изображение скomoroxa и его значение для истории скomoroxeства. *Проблемы сравнительной филологии: сб. к 70-летию В. М. Жирмунского.* М.; Л., 1964. С. 462–466.
- Масленикова Н. Н. *Присоединение Пскова к русскому централизованному государству.* Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Изд-во ЛГУ, 1955. С. 146
- Мнёва Н. Е. *Искусство Московской Руси: Вторая половина XV–XVII вв.* М.: Искусство, 1965. С. 70.
- Овчинникова А. К. *Роспись церкви Успения Богоматери в Мелётово.* ВХНРЦМ им. Грабаря. М., 1992. С. 3.
- Плюханова М. Б. О традициях Софийских и успенских церквей в русских землях до XVI века. *Лотмановский сб.* Т. 2. М.: Мысль, 1997. С. 502.
- Поветкин В. И. «Русский» изобразительный канон на музыкальные инструменты. *Памятники культуры. Новые открытия: ежегодник 1989.* М.: Наука, 1990. С. 136–159.
- Поветкин В. И. Гудебные сосуды древних псковичей. Часть 1. *Псков в российской и европейской истории (К 1100-летию первого летописного упоминания): Международная научная конференция: в 2 т. Т. 1.* М.: МГУП, 2003. С. 224–235.
- Привалов Н. И. *Гудок, древнерусский музыкальный инструмент в связи с смычковыми инструментами других стран: Ист.-этногр. исслед.* Н. И. Привалова. СПб.: тип. И.Н. Скороходова, 1904. С. 17–19.
- Псковские летописи.* Вып. 1. Приг. к печ. А. Насонов. Акад. наук СССР, Ин-т истории; [Отв. ред. изд. акад. Б. Д. Греков. М.; Л.: Изда-во Акад. наук СССР, 1941.
- Псковские летописи.* Вып. 2. Под ред. А. Н. Насонова; Акад. наук СССР. Ин-т истории. М.: Изд-во Акад. наук, 1955.
- Розов Н. Н. Еще раз об изображении скomoroxa на фреске в с. Мелётово. К вопросу о связях монументальной живописи с миниатюрой и орнаментом. *Древнерусское искусство. Художественная культура Пскова.* М., 1968. С. 85–86, 93–96.
- Серегина Н. С. *Интонация как ценность: протосмыслы. Древняя Русь.* СПб.: Галарт+, 2017. С. 83–126.
- Строганова Ю. А. *Фрески церкви Успения Богородицы в Мелётово: Источниковедческий анализ: дис. ... канд. истор. наук.* М., 2005.
- Устюгова А. В. Древнерусские иконографические памятники XV в. как источник сведений о смычковых инструментах. *Обсерватория культуры.* 2018. Т. 15, № 1. С. 63.